

в другое место: ресторан продан, а Бендер — собственность этого заведения...

А ПОЧЕМУ ШВЕЙК БЕЗ ПИВА?

— Альберт Серафимович, не менее веселое произведение — «Похождения бравого солдата Швейка». Вам так оно нравится, что вы тоже решили увековечить главного героя?

— Ну это не только мое любимое произведение — делали Швейка с коллегой Димой Пахомовым, он человек с юмором...

— Да и вы не промах...

— Когда можно. Когда разрешают партия и правительство... В общем, инициатива установить Швейка исходила от главы администрации Фрунзенского района Анны Марковой. В районе есть Балканская площадь, Пажская улица, наконец, улица Ярослава Гашека, и она захотела поставить там Бравого солдата. Мы уже почти сделали свою работу, она пришла посмотреть и говорит: «А как же это он без кружки пива стоит?» Елки-палки — что делать? Швейк уже почти был вылеплен в размер. И мы с Димой решили вернуть ему левую руку за спину — и бравый солдат как бы спрятал кружку от начальства.

— Альберт Серафимович, есть ли у вас любимые цитаты из тех же Ильфа и Пет-

рова или Гашека, колы «мысли грустные придут»?

— Я цитирую Пушкина — он мне всегда помогает в жизни, — но, конечно, и не только его.

— А кого из литературных героев еще собираетесь извлекать?

— У меня нет такой задачи. Вот я мечтал Гоголю памятник поставить на Малой Конюшенной — хотел, чтобы он буквально ступал ногой на Невский... Но не сбылось.

— Зато ваш Петр на Московском вокзале популярен — он встречает и провожает людей, возле него свидания назначают...

— Я взял за основу растрелиевский бюст — мне он очень нравится. Растрелли ведь с живого Петра маску снимал и по маске работал. Придумывать своего Петра уже поздно. Мне говорили: «Это повтор Растрелли!» А я и не скрывал. Потому что считаю: все, что новое сделано, будет непохожим на Петра. А я искренне хотел создать его в масштабе монументальном и пропеть, как говорится, песню этому произведению. Совет принял, и я приступил к работе. Тогда были выступления коммунистов — многим не нравилось, что Ленинград переименовали, а тут еще и бюст Ленина предстояло заменить на Петра, и они выставили

я решил поступать не куда-нибудь, а в Академию художеств. Написал письмо своему товарищу, он выслал мне условия приема в Институт им. И. Е. Репина, и я начал готовиться — много рисовал, стал лепить. И мне скульптура понравилась больше, чем живопись, — я послал документы на допуск к экзамену, комиссия их рассмотрела, а потом творческий конкурс, и все — я поступил на скульптурный факультет.

— А ваши родители не имели отношения к творчеству?

— Нет-нет-нет! По линии отца — мастера-кадетники были. Сам отец — Серафим Алексеевич — химик-технолог, работал в ликероводочной промышленности (но не употреблял), а мать была домохозяйкой. В семье детей было трое — сестра, я и младший брат Серафим, который закончил Училище имени Рериха, а потом уехал работать в Одессу. У него два сына — Андрей и Серафим, они также учились в Ленинграде: один из них стал живописцем, а другой — скульптором. Племянники, очень талантливые ребята, тоже работают в Одессе. С женой Галей мы вместе учились в институте — она, кстати, приехала в Ленинград из Киева, бросив там филологический факультет университета, и стала здесь искусствоведом.

— Дочки пошли по вашим стопам?

— Нет, старшая, Аня, окончила Художественное училище имени Рериха, но сейчас работает в детском саду. А младшая, Мария, закончила искусствоведческий факультет академии, работала у нас — занималась выставками, теперь — помощник депутата областного ЗакСа. У меня еще две внучки — Катя и Полина.

— У них проявляется тяга к искусству?

— Катя в философии ищет себя — занимается на философском факультете Университета, а Полина еще в школе учится.

«СТАРАЮСЬ БЫТЬ ПРИЛИЧНЫМ ПРАВОСЛАВНЫМ ЧЕЛОВЕКОМ»

— Альберт Серафимович, вам тяжело было пробыть в жизни?

— Ну как вам сказать? Лет двенадцать назад мы с Борей Петровым участвовали в

Для меня и так понятно, что мир создан для счастья человеческого, а все остальное — от лукавого.

серьезном Всероссийском конкурсе на памятник Сергию Радонежскому для Сергиева Посада и получили первую премию, хотя у москвичей выиграть в принципе невозможно. Дядя Миша был в жюри, он мне одним из первых позвонил, поздравил... Но местные интриги испортили все дело. Потом я все-таки сделал памятник Сергию Радонежскому для одного города в Куйбышевской области, который основал Петр, — там делался порох, добывалась сера...

— Ваша самая любимая работа?

— Та, которую делаю сейчас, — потому что она и любимая, и необходимая: Андрей Первозванный как символ морского флота. Эта скульптура провозглашает: «Мир всем». Она понравилась отцу Святославу, настоятелю собора в Кронштадте.

— Сколько у вас учеников?

— 18 человек. Все они работают по заданию — выполняют этюды, портреты, мы часто беседуем. Правда, я работаю больше с дипломниками. Студенты учатся у учителей и сами у себя. А мы учимся у них — это непрерывный процесс брожения.

— И чему вы учитесь у них?

— Преданности искусству.

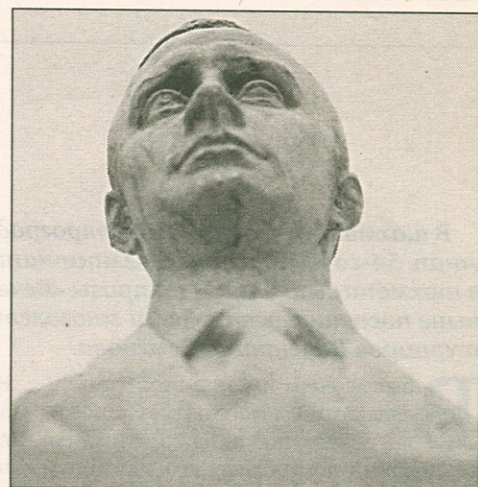
— Я вижу у вас шахматы, вы в свободное от работы время играете партию?

— Не в свободное от работы время, а во время работы. Это самый хороший отдых после физического труда. А вот в азартные игры играть не люблю — не потому, что боюсь, просто не тянет. Азарт — дело опасное.

— А как же азарт в искусстве?

— Совсем другое дело. Это — опиум...

— Альберт Серафимович, как бы вы сами определили свою жизненную позицию?

Этот бюст Чаркин подарит Владимиру Путину, когда тот перестанет быть президентом.

— Стараюсь быть приличным православным человеком, вот и весь девиз.

«АЛЬБЕРТ ЧАРКИН ЧИСТИЛ УШИ РЯЗАНОВУ»

— Но вернемся к искусству. Я вижу, что, пока мы с вами беседовали, вы уже «почистили» уши Эльдару Рязанову... У меня даже родилась идея назвать материал: «Альберт Чаркин чистил уши Рязанову, а тот и не заметил»...

— Это можно — Рязанов поймет. Кстати, я делаю этот настольный бюст по его просьбе: ему понравился тот, что открыт к 80-летию на Аллее Славы в Гуманитарном университете профсоюзов.

— А как вы относитесь к тому веянию, что памятники известным людям стали ставить при жизни?

— Не думаю, что это очень правильно. Но если в обществе есть потребность, то почему и нет? Древним-то героям олимпийским ставили статуи! И товарищ Ленин выступал на фоне своего собственного портрета — это было, ничего не сделаешь. Это особый знак уважения, доверия.

— Вы как-то рассказывали, что работаете под музыку Чайковского.

— Да, я люблю классику. Когда меня одолевают серьезные раздумья — как будто специально звучит итальянское каприччио Чайковского. Помню, когда готовился к поступлению в институт, то перед тем, как пробило полночь, по радио передавали Каприччио Петра Ильича. Это действовало положительно. Когда поступил — тоже звучала эта же музыка — и грустная, и вместе с тем торжественная и победная. И в какое-то время мне показалось, что это Глас.

— Книжки успеваете читать?

— Времени мало, но я читаю — в основном книги по философии.

— С внучкой спорите на философские темы?

— Нет. Это они спорят. Для меня и так понятно, что мир создан для счастья человеческого, а все остальное — от лукавого.

— Альберт Серафимович, 70 лет — такая пафосная дата. Скажите, с годами вы стали требовательней к себе?

— А как же! Сколько можно грешить (смеется).

— Художники — люди веселые, я даже слышала в их среде такую присказку: «Выпьем с горя, где же Чаркин? Сердцу будет веселей!» Как вы к этому относитесь?

— Нормально. Я этого не чураюсь, мне «ничто человеческое не чуждо».

— А как вы считаете: 70 лет — это время подводить итоги или все-таки главная работа еще впереди?

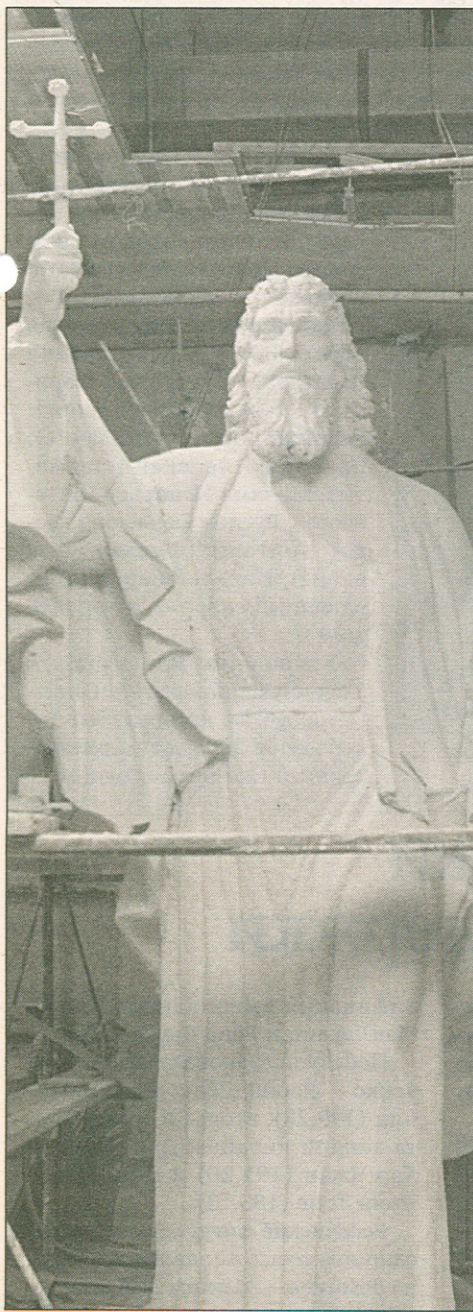
— Конечно, впереди. Но на самом деле по-разному бывает. Шекспир закончил свою деятельность где-то после 50 лет. А Тициан в 90 с лишним лет писал как юноша, и все было хорошо. Пока я чувствую, что у меня достаточно сил.

— Альберт Серафимович, «Вечёрка» поздравляет вас с юбилеем, желает здоровья, творческих сил... А сами себе что хотели бы пожелать?

— Только времени.

Беседовала Людмила КЛУШИНА
Фото Натальи ЧАЙКИ

Пушкина, помогает

Андрей Первозванный провозглашает: «Мир всем!»

пикеты... И вот темной ночью, в два часа, приехали рабочие и демонтировали памятник Ленину. Через месяц, когда страсти улеглись, также ночью, группа рабочих смонтировала постамент и бюст Петра. Утром люди увидели, что это правильное решение, и больше упреков не было, кроме одного — что я взял за основу бюст Растрелли. Но мне хотелось, чтобы было торжество правды: Петербург же Петр основал, и я всегда говорил коммунистам, что если был бы жив товарищ Ленин, то они за что не назвали бы город своим именем...

ПРО КАЗАКА ЧАРКУ, ФЛОТ И СЕМЬЮ

— Альберт Серафимович, в вашей фамилии слышится эхо давних времен. Это фамилия с древними корнями?

— Конечно, не со вчерашними... Чарка — небольшой сосуд, которым в давние времена пользовались некоторые любители выпить. Фамилия хоть кажется и редкой, но довольно часто встречается в средней полосе России. По рассказам отца, при Екатерине расформированная Запорожская Сечь селилась в средних районах России, и, может, казак Чарка заехал туда и стал жить-поживать и добра наживать. А я уже родился в городе Белеве Тульской области — это, кстати, родина Жуковского. Вырос на Украине — в городе Лубны Полтавской области, который был основан князем Владимиром в 988 году, когда было принято христианство на Руси. Там я и закончил школу.

— В детстве, наверное, и проявились ваши способности?

— Да. Я рисовал все время, занимался в драматическом кружке... После школы попал на службу в Военно-Морской Флот в Севастополь, служил четыре года — считал, что все кончено в жизни. Затем познакомился с одним товарищем, Виктором Шрубом, который приехал из Ленинграда на преддипломную практику: он писал-малевал для своей картины образы, типы, которые ему были нужны. Прошло время, и однажды я сел за этюд — и он так удачно получился, что